

КНИГА ВОСЬМАЯ. ИВАН МЕТРОСТРОЕВ

РОЗОВЫЙ ЧЕМОДАН

Инна Проскуряк

18+

Инна Проскуряк
Розовый чемодан

«Автор»

2026

Проскуряк И.

Розовый чемодан / И. Проскуряк — «Автор», 2026

Молодая девушка Мила приехала в гости к новым друзьям — и не вернулась. Её тело нашли в Иртыше, в двух чемоданах. Один из них — старый, розовый, с треснувшей ручкой. Мать опознала его: тот самый, с которым она когда-то ездила в роддом. Майор Иван Метростроев берётся за дело, у которого почти нет улик. Единственная свидетельница — подруга, слышавшая убийство по видеозвонку, но три дня молчавшая от страха. След ведёт к паре треш-блогеров, для которых насилие — всего лишь контент. Но за ними стоят люди в системе, готовые прикрывать шоу любой ценой. «Розовый чемодан» — восьмая книга серии об Иване Метростроеве. История о тех, кого общество не замечает, и о тех, кто не проходит мимо.

© Проскуряк И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Инна Проскуряк

Розовый чемодан

Пролог

Розовый чемодан нашли в среду.

Он лежал на отмели у Ленинградского моста, зацепившись ручкой за корягу. Вода в Иртыше была холодной — сентябрь, ночное тепло ушло, река остывала к зиме. Чемодан покачивался на мелкой волне, розовый пластик блестел под серым небом, как ошмёток чужой, неуместной здесь жизни.

Первый, кто его заметил, — собачник из дома на набережной. Мужчина лет шестидесяти, отставной сварщик, гулял с овчаркой вдоль парапета. Овчарка заскулила и потянула к воде. Собачник спустился по мокрым ступеням, чертыхаясь и хватаясь за перила. Чемодан лежал боком, из треснувшей молнии сочилась вода — мутная, с рыжеватым оттенком.

Он не стал открывать. Вызвал полицию.

Через сорок минут на набережной стояли двое патрульных, сержант и лейтенант. Лейтенант курил и смотрел в сторону, пока сержант тянул бегунок молнии. Бегунок заело. Он дёрнул сильнее, и молния разошлась с влажным треском. Из чемодана пахло — не гнилью ещё, но чем-то сладким, тошнотворным, как сырое мясо, забытое в раковине на сутки.

Сержант отступил на шаг. Вытер рот рукавом.

— Вызывай опергруппу, — сказал он лейтенанту. — И ещё один чемодан ищите. Должен быть второй.

Почему второй — он не знал. Просто в розовый чемодан поместилось не всё.

Второй нашли через два часа, ниже по течению. Чёрный, старый, с треснувшей пластиковой ручкой. Он лежал в камышах, полузатопленный, и на него показывал пальцем мальчишка-рыбак, бросивший удочки и прибежавший к патрульным с криком: «Там ещё один! Там ещё!»

К вечеру оба чемодана были в морге. Содержимое выложили на два стальных стола. Судмедэксперт — пожилая женщина с короткой стрижкой и спокойными руками — работала молча. В протокол она записала: «Тело женское, предположительно 18–22 года. Расчленено посмертно. Следы множественных телесных повреждений, нанесённых тупым предметом. На левом запястье — татуировка в виде скрипичного ключа».

На следующий день в морг привезли женщину с ходунками. У неё было парализовано пол-лица, и каждое слово она выталкивала из себя, как тяжесть. Она не плакала. Она посмотрела на татуировку, на розовый чемодан, который ей показали отдельно, и сказала — медленно, по слогам, так, что каждое слово падало отдельно:

— Где моя дочь.

Когда мать ушла, эксперт закрыла лицо простыней и сказала ассистенту: «Записывай. Татуировка опознана. Личность установлена. Светличная Мила, 2005 года рождения». Ассистент — молодой парень, практикант из медакадемии — записал и вдруг спросил: «А почему чемодан розовый?» Эксперт не ответила. Она мыла руки под краном, долго, тщательно, и вода в раковине была такого же серого цвета, как Иртыш в тот день.

К ночи материалы ушли в уголовный розыск. Дело получило номер и попало на стол подполковника Корнеева.

Корнеев прочитал рапорт. Потом встал, подошёл к окну и постоял, глядя на тёмный двор. Он думал о том, что у него есть майор Метростроев — циничный, неудобный, но умеющий развязывать такие узлы, от которых другие отступаются. И о том, что завтра ему придётся вызвать Метростроева и сказать: «Иван, тут дело. Тела нет — в смысле, нормального тела. Жертва — трансгендерная девушка. Свидетель — интернет-подружка, которая трое суток молчала. А подозреваемых нет вообще».

Он думал о том, что скажет всё это, а Метростроев посмотрит на него своими красными от недосыпа глазами и спросит: «Когда выезжать?»

Потому что Иван никогда не говорил «нет».

Корнеев сел за стол, придвинул папку и написал на обложке: «Светличная М. Убийство». Подумал и добавил в скобках: «Розовый чемодан». Не по инструкции, но вычеркнуть забыл. Так и осталось.

За окном шёл дождь — мелкий, сентябрьский. В Иртыше вода прибывала, и там, где утром лежал розовый чемодан, теперь была только тёмная, холодная рябь.

Глава 1

Вероника сказала, что я стал разговаривать во сне.

Это было утром, в её квартире, на кухне, где пахло растворимым кофе и овсянкой, которую Алиса не доела перед школой. Я сидел у окна, Вероника стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле — не для меня, для себя и Алисы, я по утрам не ем. За окном было серо, ветер гнул тополя во дворе, и казалось, что осень в этом году началась раньше, чем обычно, — не с календарного сентября, а с августа, когда вдруг перестало хотеться выходить из дома.

— Ты говоришь «держи дверь», — сказала Вероника. — И ещё «не трогай её». И ещё «я тебя достану». Прямо вслух, чётко. Я просыпаюсь и слушаю.

Я отпил кофе. Горячий, чёрный, без сахара. Вероника варила его так, как я любил, — в турке, на плите, не из банки.

— Это работа, — сказал я.

— Я знаю, что это работа. Я не жалуясь. Просто хочу, чтобы ты знал.

Она поставила передо мной тарелку с бутербродом. Я не просил, но съел. Масло, сыр, хлеб поджаренный. Вероника смотрела, как я жую, и в этом взгляде было больше любви, чем во всех словах, которые люди говорят друг другу за всю жизнь. Я не знал, что с этим делать, и просто ел.

Уголь — чёрный щенок, которого Алиса притащила от соседской собаки месяц назад, — лежал под столом и грыз мой тапок. Тапок был старый, мне не жалко. Я смотрел на щенка и думал, что если у меня когда-нибудь и была нормальная жизнь, то она выглядит примерно так: чужая квартира, чужая дочь, которая зовёт меня «папа Ваня», чужая женщина, которая слушает мои ночные монологи и не уходит. И щенок. И бутерброд.

Телефон зазвонил в восемь утра.

Я посмотрел на экран: Корнеев. В восемь утра Корнеев звонит только по двум причинам: либо кого-то убили, либо кого-то убили и это уже попало в прессу. Я дожёвывал хлеб, пока телефон звонил. Вероника посмотрела на меня и отвернулась к плите. Она никогда не говорила «не бери». Она просто отворачивалась.

— Да, — сказал я.

— Метростроев, зайди. Дело появилось.

— Что там?

— Женщина. Молодая. Тело в Иртыше, расчленено. И ещё — мать потерпевшей вчера была у нас, я её видел. Ты зайдёшь или мне тебе по телефону пересказывать?

— Через полчаса.

Я положил телефон на стол. Вероника помешивала кашу, но я знал, что она слышала каждое слово.

— Труп? — спросила она, не оборачиваясь.

— Труп.

— Ты хотя бы кофе допей.

Я допил. Встал, потрепал Угля по загривку. Пёс лизнул мне руку — горячий, шершавый язык. Я подумал: когда у тебя есть собака и ребёнок, ты становишься уязвимее. Ты начинаешь бояться не за себя. Это плохо для опера, но хорошо для человека. Мне говорили об этом на одной из тех обязательных встреч с психологом, куда меня отправили после дела Кернера. Я тогда отмахнулся, а сейчас стоял в коридоре Вероникиной квартиры и думал: да, чёрт возьми. Именно так.

— Вечером приду, — сказал я.

— Приходи. Только не во сне. Во сне ты страшный.

— Я страшный и наяву.

— Нет. Наяву ты просто уставший. Это другое.

Она поцеловала меня в висок, поправила воротник моей куртки — старая кожаная, я носил её уже пятый год, — и закрыла за мной дверь. Я пошёл по лестнице вниз, вдыхая запах подъезда: сырая штукатурка, кошки, вчерашний борщ с третьего этажа. Пятнадцать минут пешком до отдела. Омск просыпался. На Ленина уже стояли пробки, у киоска с шаурмой толпились студенты, и в воздухе висела та особенная сентябрьская сырость, от которой ломит виски.

Я думал о том, что сказала Вероника. «Не трогай её». Кому я это говорил во сне? Какой-то женщине из прошлого дела? Алисе? Может, Веронике? Я не помнил своих снов. Они приходили и уходили, оставляя только усталость.

В отделе пахло хлоркой и старым линолеумом. На проходной сидел дежурный — прапорщик Седых, толстый, усатый, бессменный, как мебель. Он кивнул мне: «Здорово, майор». Я кивнул в ответ.

Кабинет Корнеева был на третьем этаже. Дверь открыта. Подполковник сидел за столом, перед ним — папка с делом, ещё тонкая, только рапорты и первичка. Он поднял на меня глаза и сказал без предисловий:

— Светличная Мила. Двадцать лет. Трансгендерная девушка. Тело в двух чемоданах, один розовый. Мать опознала по татуировке.

Он подвинул мне папку. Я сел на стул и открыл. Фотографии с места — я не стал их пока откладывать. Посмотрел. Чемоданы. Берег Иртыша, мокрый песок, обломки коряг. Розовый пластик на фоне серой воды.

— Свидетельница? — спросил я.

— Подруга. Интернет-подруга. Сидела на видеосвязи, когда всё случилось. Слышала, но не видела. Трое суток молчала. Потом позвонила матери жертвы. Показания путаные, но, кажется, она знает больше, чем говорит.

— Подозреваемые?

— Пока никаких. Мы даже не знаем, где её убили. Тело нашли в Иртыше, но это не значит, что убили там. Могли где угодно. Работай, Иван. Я тебе даю всё, что есть.

Я закрыл папку. Посмотрел в окно за спиной Корнеева: серое небо, серый двор, серые «жигули» на парковке.

— Что с прокуратурой? — спросил я.

— Лаврентьев в курсе. Сказал, если что — прикроет. Но пока прикрывать нечего. Даже тела нормального нет.

Я встал. Папка была лёгкая — почти пустая. Так всегда бывает в начале: дело ещё не набрало веса. Оно обростёт показаниями, экспертизами, фотографиями, протоколами допросов. Станет тяжёлым, как всё, что мы таскаем с собой годами.

— Я начну с подруги, — сказал я. — Если она что-то слышала — она знает, кто это сделал.

— Она боится.

— Все боятся. Но эта уже три дня как боится. Значит, готова говорить.

Корнеев кивнул. Я вышел, прикрыл дверь и пошёл к себе — в кабинет на втором этаже, где на столе стоял изолированный ноутбук с «Аурой». Мне нужен был адрес Саши, подруги Милы. И мне нужен был разговор с ней — не по телефону, вживую.

В коридоре пахло сигаретами. Я не курил уже два года, но иногда, проходя мимо курилки, замедлял шаг. Сегодня — нет. Сегодня у меня было дело.

Когда я сел за стол и открыл ноутбук, на экране зажглась строка:

— Доброе утро, капитан. Выглядите уставшим. Входящий запрос от Вероники: «Не забудь поесть». Вероятность того, что вы проигнорируете: 92%.

— Один процент оставь на чудо, — сказал я.

— Чудеса не в моей компетенции.

Я усмехнулся и начал печатать запрос по Светличной Миле. Пальцы стучали по клавишам, за окном шуршали шины по мокрому асфальту, и в голове крутилась одна фраза — та, что я, по словам Вероники, говорил во сне: «Не трогай её». Я не знал, кому это адресовано. Но теперь у этого «ей» появилось имя. Мила. Двадцать лет. Розовый чемодан.

Глава 2

Саша жила в Амурском посёлке, в хрущёвке на улице Багратиона. Дом стоял в глубине двора, за рядом гаражей-ракушек и старой детской площадкой, где вместо качелей висели две ржавые цепи. Я приехал туда к десяти утра. Дождь перестал, но асфальт ещё блестел, и во дворе пахло мокрой листвой и соляжкой — где-то грел движок грузовик.

Квартира на четвёртом этаже. Лифта нет. Я поднялся пешком, стараясь не шуметь ботинками по бетонным ступеням. Подъезд был тихий, чистый, с геранью на подоконнике между вторым и третьим этажом — такой подъезд, где соседи ещё здороваются.

Дверь открыли не сразу. Я постучал, подождал, постучал ещё. За дверью — тишина, потом шаркающие шаги, потом пауза. Меня разглядывали в глазок.

— Кто? — голос молодой, женский, сдавленный.

— Майор Метростроев, уголовный розыск. Александра, мне нужно с вами поговорить. О Миле.

Долгая пауза. Я слышал, как она дышит с той стороны — часто, поверхностно, как дышит человек, который ждёт этого стука и одновременно надеется, что о нём забыли. Потом щёлкнул замок, потом второй. Дверь приоткрылась на цепочке.

— Удостоверение покажите.

Я показал. Она изучила корочку внимательно, близоруко щурясь, потом сняла цепочку и отступила в глубь коридора.

— Заходите.

В квартире пахло кошками и сухими травами — ромашкой, кажется. Узкий коридор, на вешалке — три куртки, женские, одна с меховым воротником. Обувь в ряд: кроссовки, сапоги, тапки с заячьими ушами. Живёт одна, но гостей ждёт — или ждала когда-то.

Саша провела меня на кухню. Маленькая, пять квадратов, обои в цветочек, на подоконнике — кактусы. Она села на табурет, поджала под себя ногу, обхватила колено руками. Я сел напротив. Достал диктофон.

— Не возражаете?

— А если возражаю?

— Тогда просто поговорим.

Она помотала головой: включайте. Я нажал кнопку записи и положил диктофон на стол.

Саша была моложе, чем я ожидал. Лет девятнадцать, может, двадцать. Худенькая, короткая стрижка, тёмные круги под глазами. Одежда домашняя — растянутая футболка с выцветшим принтом какой-то группы, треники с пузырями на коленях. На запястье — нитка бисера, детская, какие плетут в летних лагерях.

— Вы были подругой Милы? — спросил я.

— Я и есть подруга. Была. Есть. — Она запнулась. — Мы не встречались никогда. Только переписывались и созванивались. Полгода почти каждый день. Она мне ближе была, чем... ну, чем те, кто рядом живут.

— В ту ночь вы были на связи?

Саша обхватила колено крепче. Костяшки побелели.

— Да.

— Расскажите всё по порядку. С самого начала. Что за звонок, зачем, во сколько.

Она выдохнула и начала говорить. Сначала сбивчиво, но потом — ровнее, как человек, который уже много раз прокручивал это в голове и теперь просто воспроизводит запись.

— Она поехала к ним вечером, часов в семь. Сказала: «Рита позвала, посидим, поболтаем». Рита — это та девушка из чата, они общались пару месяцев. Мила её обожала. Рита говорила ей: «Ты красивая, ты сестрёнка моя, приезжай, я тебя познакомлю с мужем». Мила так радовалась, вы не представляете. У неё же, кроме меня и мамы, никого. А тут — подруга, взрослая, с квартирой. Она думала, что Рита — это как старшая сестра.

— Про мужа Риты она что-то знала?

— Знала, что он есть. Рита говорила: «Олег у меня золото, он к девочкам хорошо относится». Ну вот и «хорошо».

Она замолчала. Я ждал. На окне жужжала муха, билась о стекло с той стороны.

— Мила позвонила мне уже оттуда, — продолжила Саша. — Часов в девять, наверное. Сказала: «Тут камера, они стрим включают, я не знала». Я говорю: «Уходи». А она: «Неудобно, они стол накрыли, вино открыли, Рита обидится». Я ей: «Плюнь на Риту, уходи». Она говорит: «Сейчас, ещё немного, и пойду». И трубку не повесила — положила телефон на колени, и я всё слышала.

Она запнулась. Я видел, как дрогнули её губы.

— Что было дальше?

— Сначала просто болтали. Рита смеялась, Олег шутил. Потом он начал к Миле приставать. Сначала словами — типа «покажи, что у тебя там, ты же девочка, докажи». Чат писал комментарии, я их не видела, но Мила говорила потом, что они требовали «раздеть гостью». Олег наливал ей ещё вина, а она не пила. И тогда он разозлился.

— Как именно разозлился?

— Сказал: «Ты чё такая гордая? Думаешь, если транс, так тебе всё можно?» И полез руками. Мила встала, сказала: «Я в ванную». И ушла. Он — за ней. Я слышала шаги, потом грохот — дверь выбил. И она закричала.

Саша замолчала. В кухне было тихо, только муха на окне. Я не торопил.

— Я слышала удар, — сказала она тихо. — Один. Потом ещё. И тишина. А потом Рита взяла трубку и сказала: «Не переживай, она просто истеричка, я всё решу». И отключилась.

— Что вы сделали?

— Ничего.

Она сказала это слово так, как говорят «убила». Сухо, коротко, на выдохе.

— Сидела и смотрела в телефон. Думала: может, правда истерика? Может, сейчас перезвонят? Я писала Миле — сообщения не доходили. Звонила — гудки. Я не спала всю ночь. Утром написала Рите: «Где Мила?» Рита ответила: «Уехала домой ночью, обиделась». Я понимала, что это неправда. И всё равно ничего не сделала. Три дня. Три дня я ходила на работу, ела, спала — и ничего не делала. А она лежала в Иртыше.

Она подняла на меня глаза. Они были сухими — Саша не плакала. Она уже всё выплакала за эти дни.

— Я трусиха, — сказала она. — Понимаете? Тру-си-ха. Я боялась, что меня спросят: «А вы кто? А почему вы с ней общались? А вы тоже такая?» Боялась, что мама узнает. Боялась, что в полиции меня поднимут на смех. Я всё это прокрутила в голове — и ничего не сделала. Если бы я позвонила в полицию сразу, её, может быть, нашли бы живой.

— Нет, — сказал я. — Её убили в ту же ночь.

Она посмотрела на меня — и в этом взгляде было не облегчение, а что-то другое. Может быть, благодарность за то, что я не дал ей надежду, которую она всё равно не смогла бы вынести.

— Вы знаете, кто эти люди? — спросил я.

— Знаю. Олег и Рита Зуевы. У них канал «Марго-Шоу». Они на Московке живут, адрес не знаю, но Мила говорила — панельная девятиэтажка у «Магнита».

Я записал. Убрал диктофон.

— Александра, ваши показания — единственное, что у нас есть. Вы готовы их дать официально?

— Да. Мне всё равно теперь. Хуже не будет.

Она выпрямилась на табурете — худенькая девочка в растянутой футболке. Я вдруг подумал о Веронике. О том, как она сказала: «Ты говоришь во сне: не трогай её». И о том, что таких, как Саша, — сотни. Они сидят по своим квартирам, слышат, как убивают их подруг, и молчат. Не потому, что плохие. А потому, что мир уже объяснил им: таких, как вы, никто не защищает.

Я встал.

— Завтра к десяти в отдел. Пропуск на проходной будет. Если хотите, я вас встречу.

— Не надо. Я сама.

Я кивнул и пошёл к выходу. В коридоре задержался у вешалки. Три куртки. Одна — детская, розовая, с вышитым зайцем. Я обернулся — Саша стояла в дверях кухни.

— Это сестрёнки куртка. Она иногда ночует.

— Хорошо, — сказал я. — До завтра.

На улице снова начинался дождь. Я сел в машину, достал телефон и набрал Серёжу Гордеева. Он ответил после второго гудка — бодрый, как всегда, будто не спал вообще.

— Серёжа, есть адрес на Московке? Панельная девятиэтажка у «Магнита». Квартиру не знаю, но фамилия — Зуевы. Олег и Рита.

— Сейчас пробью. Ты по ним?

— Пока смотреть. Тихо. Без мигалок.

— Добро. Жди.

Я откинулся на сиденье. Дождь барабанил по крыше. Я думал о том, что Мила везла Рите подарок. Что она купила помаду за восемьсот девяносто девять рублей и положила её в рюкзак, и рюкзак этот сейчас, наверное, где-то на дне Иртыша или в мусорном баке у панельной девятиэтажки на Московке. Я думал о том, как Олег Зуев выбивал дверь ванной, и о том, что скажу ему, когда мы встретимся.

Я ничего не скажу. Я просто надену наручники.

Телефон пискнул — Серёжа скинул адрес. Я завёл движок и выехал со двора. Впереди был долгий день.

Глава 3

Девятиэтажка на Московке стояла в глубине дворов, за супермаркетом «Магнит» и ржавой трансформаторной будкой. Панельная, серая, с облупившейся краской на балконах. У подъезда — припаркованный «Логан» с тонированными стёклами, старая «девятка» без номеров и несколько мусорных баков, переполненных так, что пакеты валялись на асфальте.

Я припарковался через дорогу, у хлебного киоска. Вышел, поднял воротник куртки — дождь усилился, мелкий, противный. Достал телефон, набрал Серёжу.

— Я на месте.

— Квартира шестьдесят четыре, третий этаж. Лицевой счёт на Олега Зуева, прописаны двое — он и жена. Маргарита Зуева, тридцать один год. Рита — это, видимо, она.

— Угу.

— Иван, там ещё кое-что. Их канал «Марго-Шоу» — я сейчас смотрел статистику. Десять тысяч подписчиков, стримы два-три раза в неделю. Последний был пятого сентября — за день до того, как Мила поехала к ним. После этого — тишина. Канал не удалён, но не обновляется.

— Архив смотрел?

— Смотрел. Ничего криминального в открытом доступе — пьянка, разговоры, гости периодически. Но комменты там — жесь. Чат требует «раздеть гостью», «пусть танцует», «дай ей ещё». Ты почитай на досуге.

— Скинь логи. И пробей по IP, кто самые активные зрители. Мне нужны имена, особенно если кто-то из местных.

— Понял. Ты к ним прямо сейчас?

— Пока смотреть.

Я убрал телефон и пошёл через двор. Под ногами хрустели осколки пивной бутылки. У подъезда курили двое подростков в капюшонах. Они проводили меня взглядом, но ничего не сказали — вид у меня был, видимо, достаточно ментовской, чтобы не задавать вопросов.

Подъезд встретил запахом сырости и кошачьей мочи. На первом этаже — общая дверь, обитая коричневым дерматином, на стене — граффити: «Волк жив». Я поднялся на третий этаж. Квартира шестьдесят четыре — железная дверь с глазком, никаких опознавательных знаков. Я прислушался: внутри работал телевизор, кто-то ходил, женский голос что-то говорил — то ли по телефону, то ли сама с собой.

Я не стал стучать. Спустился во двор, сел в машину и позвонил Корнееву.

— Подполковник, мне нужна группа. Обыск на Московке, квартира Зуевых. Подозрение на убийство.

— Основания?

— Свидетельские показания — звонок потерпевшей во время совершения преступления. Свидетель опознала голоса, слышала момент нападения. Это Саша, подруга Милы.

— Судью я тебе сейчас не пробью за пять минут, Иван.

— А мне не сейчас. Мне на завтра. Сегодня я просто хочу зайти и поговорить. Но если они начнут заметать следы — группу надо будет поднимать быстро.

Корнеев помолчал. Я слышал, как он дышит в трубку — тяжело, с присвистом, у него начиналась гипертония, но он не признавался.

— Добро. Постановление будет завтра к утру. Сегодня — только беседа. Без проникновения. Понял?

— Понял.

Я вышел из машины и снова пошёл к подъезду. Подростки всё ещё курили. Один из них — высокий, с прыщавым лицом, в чёрной толстовке с капюшоном — вдруг сказал мне в спину:

— Вы к Зуевым?

Я обернулся.

— Допустим.

— Не ходите. Там Олег злой сегодня. Мы слышали — орёт.

— Часто орёт?

— Всегда. Но сегодня громче.

Я кивнул и вошёл в подъезд.

На третьем этаже нажал на звонок. За дверью — шаги, женский голос: «Кого там принесло?» Глазок на секунду потемнел — меня разглядывали. Потом тишина. Потом мужской голос: «Открывай, чего стоишь?»

Замок щёлкнул. Дверь открылась.

На пороге стояла женщина. Рита Зуева — та самая «Королева Марго» из стримов. Высокая, яркая, с копной крашенных рыжих волос, в леопардовом халате поверх домашнего платья. Лицо густо накрашено, даже сейчас, в середине дня: тени, помада, румяна. Но под макияжем проглядывала усталость — серая, глубокая, залёгшая в складках у рта.

— Вы кто? — спросила она.

— Майор Метростроев, уголовный розыск. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

— О чём?

— О Миле Светличной.

Я смотрел ей прямо в глаза. Она выдержала взгляд — секунду, две. Потом отвела. Отступила в глубь коридора.

— Проходите.

Квартира оказалась больше, чем я ожидал. Трёшка, гостиная — просторная, с диваном у стены и огромным телевизором напротив. На полу — ковёр с высоким ворсом, на стенах — постеры из фильмов: «Волк с Уолл-стрит», «Бойцовский клуб», ещё какой-то боевик с пистолетами. В углу стоял штатив с камерой, направленной на диван. Рядом — софит на треноге. Студийный микрофон на стойке.

Олег Зуев сидел на диване, развалившись, как хозяин. Коренастый, лысеющий, в растянутой майке, с татуировками на предплечьях — волчьи морды, ножи, что-то ещё в том же духе. На костяшках пальцев — синие буквы: «ВОЛК». Он смотрел на меня исподлобья, но без страха — с ленивым любопытством. На столике перед ним стояла открытая бутылка пива и пепельница, полная окурков.

— Опер? — спросил он. — Чего надо?

— Разговор есть. О вашей гостье, Миле Светличной. Она была у вас двенадцатого сентября.

Олег переглянулся с Ритой. Та стояла в дверях гостиной, скрестив руки на груди.

— Была, — сказал он. — И что?

— Во сколько она ушла?

— Ночью. Часа в два, может. Поссорились немножко, она и ушла.

— Из-за чего поссорились?

— Из-за ерунды. Выпили лишнего, слово за слово. Я ей сказал — не нравится, вали. Она и свалила.

Я обвёл глазами комнату. Камера на штативе. Софит. Микрофон. Провода, аккуратно смотанные в жгут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.